

Магги Руфф

ФИЛОСОФИЯ ЭЛЕГАНТНОСТИ

Магги Руфф

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

Memoires de la mode от Александра Васильева

Магги Руфф

Философия элегантности

«Этерна»

Руфф М.

Философия элегантности / М. Руфф — «Этерна», — (Memoires de la mode от Александра Васильева)

Магги Руфф (наст. имя Магги Безансон де Вагнер) – французская создательница мод, основала в 1929 году успешный Дом моды. Несмотря на обилие фотографий в журналах, издание трех ее книг, биография Магги Руфф была и остается малоизученной. А ведь этот элегантный дизайнер, начавший свою деятельность еще в конце 1920-х годов, смог сохранить успех в столице моды на протяжении более сорока лет. Неоспоримо, что это прекрасный результат в изменчивом мире моды. Магги Руфф откроет в этой книге самые потайные и сокровенные дверцы женской психологии. Проблемы соотношения формы и цвета, возраста женщины и моды, платья и аксессуаров занимают в книге немало страниц, чтение которых доставит читателям истинное наслаждение.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Вместо предисловия	11
Глава I	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Магги Руфф

Философия элегантности

© А. А. Васильев, предисловие, фотографии из личного архива, 2012

© Е. А. Макарова, перевод на русский язык, 2012

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие к русскому изданию

Модный приговор от Магги Руфф

Несколько лет назад московское издательство «Этерна» взяло на себя большую и нужную просветительскую миссию. Из года в год на свет Божий выходят потрясающие издания о моде. Это целая серия книг, объединенных одной темой – воспоминания творцов моды, манекенщиц, критиков, дизайнеров. Объединенные единым названием книги в серии *«Mémoires de la mode»* дают русскоязычному читателю – и профессионалу в этой области, и просто любителю – необычайную пищу для размышления. Чего только стоят прекрасные воспоминания Эльзы Скиапарелли, Поля Пуаре, парижских манекенщиц Пралин и Фредди, исследования Анни Латур. Все эти издания десятилетиями были недостижимы как для российских создателей моды, так и для журналистов, пишущих на эту тему, теоретиков и аналитиков моды, философов мира моды.

«Философия и мода?» – удивятся многие. Перед вами первая книга на русском языке, посвященная целиком философии элегантности, которую, кстати, никто не отменял. Изданная в середине XX века в Париже, эта книга шла к русскому читателю более шестидесяти лет. Ее автор – талантливая, но сегодня незаслуженно забытая французская создательница моды Магги Руфф. Она принадлежит к женщинам-творцам того поколения, когда женственность, вкус и элегантность ценились превыше всего.

Магги Руфф была автором трех книг, первая из которых «Что я видела в шифоньерах моих клиентов» была опубликована в 1930-е годы; вторая, что вы держите в руках, – в 1942 году и последняя – «Америка под микроскопом» – уже после войны.

Несмотря на обилие фотографий в журналах, издание трех книг, биография Магги Руфф, настоящее имя Магги Безансон де Вагнер, была и остается малоизученной. А ведь этот элегантный дизайнер, начавший свою деятельность еще в конце 1920-х годов, смог сохранить успех в столице моды на протяжении более сорока лет. Неоспоримо, что это прекрасный результат в изменчивом мире моды.

Мировой экономический кризис провел черту между стилем 1920-х и 1930-х годов, на этом рубеже и родился в Париже Дом моды «Магги Руфф» в 1929 году. Он был основан не на пустом месте. Отец Магги Руфф был директором парижского филиала знаменитого австрийского Дома моды «Дреколь», созданного бароном Кристофом фон Дреколем в Вене в 1894 году. Этот Дом некогда был поставщиком австро-венгерского двора.

В начале прошлого века, в 1902 году, фон Дреколь открыл свой филиал в Париже, сначала на площади Опера, 4, а потом переехал на Елисейские Поля, в дом 136, в 1920-е годы очень престижный адрес. Несмотря на то, что Дом моды «Дреколь» был очень почтенным заведением в эпоху *Belle Époque*, интерес к нему начал падать по окончании Первой мировой войны. Германия разбита, Австро-Венгерская империя лежала в руинах, дома мод с немецкими фамилиями не котировались, а династия Габсбургов уже более не могла давать крупных заказов своему поставщику фон Дреколю. Это вынудило его в 1922 году объединить свой берлинский филиал с престижным немецким Домом моды «Beer», у которого была очень завидная репутация. Однако это дела не поправило. Конкуренты наступали на пятки. Париж преклонялся перед творениями Поля Пуаре, Жана Пату, Люсьена Лелонга, сестер Калло, Молине, Коко Шанель. Новая эпоха диктовала новый силуэт эмансипированной женщины: укороченная длина, простота кроя, геометрические мотивы. Во всем этом Дом «Дреколь», истинный певец женщин *Belle Époque*, чувствовал себя неуверенно и окончательно сошел с арены парижской моды в 1929 году, слившись с другим парижским Домом «Agnes». Все это произошло в момент

финансового краха, когда один за другим закрывались дома моды, сгоревшие в пламени долларового костра, словно мотыльки на керосиновой лампе.

Судя по всему, помещение Дома «Дреколь» сдавалось в аренду, и предприимчивый отец Магги Руфф, эльзасец, прекрасно говоривший по-немецки, снял его у бывшего хозяина Кристофа фон Дреколя. Так открылся Дом моды «*Maddy Rouff*» на Елисейских Полях, 136.

Магги Руфф родилась в 1896 году в Париже. Ее молодость совпала с Первой мировой войной, и, очевидно, напуганная ее ужасами и вестями о раненых в полевых госпиталях, она изначально мечтала посвятить себя медицине и стать хирургом.

И надо сказать, точность и расчет, верность линии и прямой разрез ткани под ее виртуозными ножницами, видимо, стали своего рода олицетворением неосуществленных амбиций на операционном столе. С первого же сезона дела маленького Дома моды пошли в гору и стали набирать обороты. В числе первых клиентов были звезды Голливуда: Тед Барра, Пола Негри и Грета Гарбо. Одной из первых причин успеха, мне видится, было верно выбранное имя Дома. Фамилия *Rouff*, взятая творческим псевдонимом, была уже известной в мире моды. В Париже с 1844 года существовал знаменитый и большой Дом моды «*Rouff*», закрывшийся в 1914-м в связи с началом войны. Дом этот располагался на бульваре Осман, 13, и славился роскошными и помпезными платьями с прекрасной техникой шитья *Haute Couture*. В Доме «*Rouff*» одевались сливки общества, актрисы и аристократки, а главным конкурентом был прославленный Дом «*Worth*». Именно в «*Rouff*» начала свой профессиональный путь мадам Жанна Пакен, чей собственный Дом позже свел с ума полмира. В моей личной коллекции есть несколько моделей старого Дома «*Rouff*» и Дома «*Paquin*», они пользуются неизменным успехом на всех выставках благодаря великолепному крою и качественному шитью. Неудивительно, что в 1929 году имя *Rouff* было еще на слуху, со времени закрытия Дома прошло лишь пятнадцать лет. Вероятно, оно было выставлено на продажу. Так или иначе, Дом моды «*Maddy Rouff*» открылся на базе Дома «*Drecol*» и унаследовал престижное имя *Rouff*.

В мире моды любая преемственность традиции приветствуется. От разорившегося Дома «*Drecol*» наверняка остались манекены и швейные машинки, закроечные столы и примерочные кабины, демонстрационный зал, в котором манекенщицы в 1920-е годы показывали новинки моды по три раза в день для избранных клиентов. Вопрос выбора манекенщиц в 1930-е годы, как, впрочем, и сегодня, был насущным. Около 40 % всех парижских манекенщиц в период между двумя войнами составляли русские беженки-изгнанницы, теперь именуемые эмигрантками первой волны. Во всех больших и малых домах моды работали русские красавицы. Благодаря своей природной красоте, грации, воспитанию, аристократизму, знанию языков и хорошим манерам они полюбили и прижились в этой профессии. И Дом «Магги Руфф» не стал исключением. В один из первых его сезонов манекенщицей-ведущей, то есть ведущей звездой, была приглашена ранее служившая моделью в Доме «Ворт» Женя Горленко, родная сестра другой русской манекенщицы, Галины Романовны Горленко, в замужестве баронессы Дельвиг. Женя была статной, хороша собой, со скуластым славянским лицом во вкусе эпохи и светло-русыми волосами, что полностью соответствовало стандарту 1930-х годов. Ее портреты из моего архива в изобилии украшают эту книгу. Как и многим в эмиграции, Жене пришлось испытать немало. Она работала на заводе у станка в парижском предместье, но в 1927 году по объявлению в газете о наборе манекенщиц русская красавица поступила в маленький Дом «Каролин», а затем перешла в очень престижный Дом «Ворт». С хорошими навыками представления нарядов, фотогеничной внешностью и желанием работать Женя вскоре стала ведущей звездой Дома моды «Магги Руфф». Большинство ее фотографий, как в дневных, так и в вечерних нарядах этого Дома были выполнены в фотоателье «*Dorvinne*» в Париже. Вторая часть личного архива этой прекрасной русской манекенщицы 1930-х годов сейчас хранится в фондах парижского Музея моды, расположенного во дворце Галлиера. Именно через эти фотографии я впервые узнал о существовании Дома Магги Руфф в 1985 году, когда после

публикации первого большого интервью в парижской русской газете «Русская мысль» я дал объявление, что разыскиваю платья русских домов моды в Париже и фотографии манекенщиц. То был лишь предварительный процесс подготовки к написанию моего первого бестселлера «Красота в изгнании». На это объявление в газете откликнулось несколько человек, среди них и баронесса Галина Романовна Дельвиг, жившая в Кормей, парижском пригороде, в небольшом домике рядом с железнодорожной станцией. Она предложила мне приехать и рассказала, что ее сестра была известной манекенщицей и звездой в Доме моды «Магги Руфф». Тогда, в середине 1980-х годов, я уже собирал коллекцию старинных платьев и преподавал историю моды в самой знаменитой и большой парижской школе моды «Эсмод». Но моих знаний явно не хватало. Дом моды «Магги Руфф» был давно закрыт, и я не понимал тогда его значимости и важности. Но, шаг за шагом изучая историю моды, всегда с радостью открываешь для себя новые страницы. Мне удалось не только подружиться с баронессой Дельвиг, но и приобрести у нее платья из гардероба княгини Марии Иллиодоровны Орловой, а также предложить в архив Музея моды дворца Галлиера, через тогдашнего директора Гийома Гарнье, приобрести большую часть фотоархива Дома «Магги Руфф», оставшегося у Галины Романовны от ее сестры, Жени Горленко, ставшей впоследствии французской виконтессой де Кастекс. Зерно было посажено!

Постепенно знакомясь с другими русскими манекенщицами 1930-х годов, в Париже я узнал и баронессу Анастасию Нолькен, элегантную и сухую петербурженку. Она тоже тогда была одной из манекенщиц у Магги Руфф. В те же годы в другом парижском предместье, Монморанси, в Русском доме инвалидов Первой мировой войны жила прекрасная модель, бывшая киевлянка Варвара Раппонет. В 1940-е годы она была звездой в Доме моды Эльзы Скиапарелли, но ей удавалось подрабатывать и на съемках для «Магги Руфф». Так вот, все они в один голос говорили о необыкновенной элегантности коллекций, статной отстраненности хозяйки и большом успехе этого Дома. Большой парадный портрет Магги Руфф в шляпе и муфте из меха леопарда написал известный художник русской эмиграции Сергей Иванов.

Действительно в эпоху 1930–1950-х годов Дом Магги Руфф успешно конкурировал и выгодно отличался от своих современников. А ведь они были очень сильны! С одной стороны, это была Мадлен Вионне, виртуозка кроя по косой. Она создала целое направление в моделировании и конструировании женской одежды, тем самым опередив всех на целое десятилетие. Но с началом Второй мировой войны в 1939 году она была вынуждена закрыть двери своего великолепного Дома. Другая великая создательница моды того периода – мадам Гре, чье настоящее имя было Алис Бартон, а творческий псевдоним представлял собой перевертыш имени ее русского мужа, художника Сержа (Serge) Четверткова. Она была очарована античной скульптурой и создавала свои творения из драпированных тканей наподобие великолепных мраморных изваяний античности. Огромный успех в те годы переживала Эльза Скиапарелли, мастер цвета и невероятных сюрреалистических идей в моде, сумевшая так виртуозно объединить искусство Сальвадора Дали и женскую одежду. Кстати, книга воспоминаний великой Эльзы Скиапарелли «Моя шокирующая жизнь» уже опубликована в издательстве «Этерна».

Не следует забывать, что в 1930-е годы еще открыт и Дом Коко Шанель, ее выдержанный и элегантный стиль тоже привлекал клиентуру до закрытия в 1940 году. Упоительными коллекциями Жанны Ланвен также восхищались современники, конкуренцию составляли и Дома моды «Нина Риччи», «Огюстабернар», «Арданс».

Но параллельно с этим «женским хором» все мощнее выступали талантливые мужчины – создатели моды. Не следует забывать о гении объемного построения силуэта, испанце Кристобале Баленсиаге, чье появление в Париже в 1937 году произвело настоящий фурор. Тут и «Мэйнбохер», этот великолепный Дом моды был основан в Париже Майном Руссо Бохером и имел огромную популярность в течение 1930–1939 годов. Виртуозные творения создавал элегантный Дом «Люсьен Лелонг», хозяин которого с 1937 по 1947 год был женат на прекрасной

русской княжне Натали Палей, урожденной Романовой. Он занимал пост президента Синдиката Высокой моды Франции. Великолепный Дом «Робер Пиге» существовал в Париже с 1920 по 1951 год. Бывший ассистент Поля Пуаре, он сформировал таких прославленных кутюрье, как Кристиан Диор, Пьер Бальмен, Юбер де Живанши, Антонио де Кастилло и Марк Боан. Список далеко не полный, но дающий представление, в каком «цветнике» великих творцов моды Магги Руфф сохранила не только свою индивидуальность, аромат и характер, но и приобрела заслуженную славу.

Книга «Философия элегантности» была опубликована в трудное время. Париж был оккупирован немцами, и многие дома моды были закрыты. Многие, но не все! Вероятнее всего, знание немецкого языка и эльзасское происхождение Магги Вагнер де Безансон помогли ей, и она смогла опубликовать эту великолепную книгу в 1942 году, ни разу в тексте не упомянув Германию и оккупацию Парижа, но поведав о красоте древнего русского костюма и расшитых жемчугом кокошников! Мода и политика всегда стояли рядом, но в военное время быть на страже элегантности и хорошего вкуса, но при этом сохранять нейтралитет, поистине виртуозно!

Магги Руфф откроет в этой книге самые потайные и сокровенные дверцы женской психологии. Проблемы соотношения формы и цвета, возраста женщины и моды, платья и аксессуаров занимают в книге немало страниц, чтение которых доставит читателям истинное наслаждение. Магги Руфф дипломатично ни разу не коснется стиля ни одного из современных ей дизайнеров, не произнесет ни одного имени. Но если мыслить образно и читать между строк, можно заметить, как она критически прошла по головным уборам эксцентричной Эльзы Скиапарелли или «скучным» платьям от Шанель. С виртуозным знанием дела автор дает обобщенный портрет творца моды – вечного «нарцисса», самовлюбленного и эгоистичного короля в стране наперстков, часто сомневающегося и постоянно радующего нас новыми творениями. Магги Руфф была заядлой путешественницей. Обширные знания многих стран, традиций других континентов позволили ей по-разному посмотреть на пропорции женской фигуры, ее типологические особенности, тем самым обогатив книгу важным фактологическим контекстом. Большая любительница истории, знаток античности, она часто цитирует факты из древней истории, проводя аналогии с современным миром.

Особый интерес представляют уникальные станицы, посвященные геммологии, науке о драгоценных камнях. Размышления Магги Руфф о ювелирных украшениях и правилах их ношения очень актуальны и сегодня. Глава о парфюмерии, я уверен, никого не оставит равнодушным. Автор многих известных в свое время духов, Магги Руфф пишет о мире ароматов самозабвенно и творчески, окутывая читателей прекрасной дымкой забытых запахов и любимых некогда духов. Современный читатель часто обеспокоен проблемой цветотипа. Действительно, понять, к какому типу относится кожа женщины, окрас ее волос, цвет глаз, бывает порой затруднительно. В «Философии элегантности» вы найдете не только исчерпывающую информацию, но и замечательные полезные советы. Манера одеваться у многих схожа с манерой жить. Вот почему искусство носить платье, двигаться в нем, держать спину, умение сидеть на стуле, подниматься с него и искусство производить впечатление никогда не потеряет своей актуальности. Как бы ни была далека сейчас та эпоха, основные постулаты женской элегантности ценны, свежи и необходимы для штудирования именно сегодня, когда в нашей стране население состоит приблизительно из 55 % женщин против 45 % мужчин. С точки зрения мудрых и верных советов, книга Магги Руфф – просто кладезь изречений, мыслей и крылатых фраз мира моды, которые наверняка понравятся всем.

В 1948 году Магги Руфф уйдет на пенсию и переедет в Канны, а ее дочь Франсуаза, в замужестве виконтесса д'Анкур, станет новым директором Дома «Магги Руфф» и пригласит на работу двух талантливых модельеров Мишеля Малярда и Ги Дувье. Но стиль сильно изменится в сторону «большей буржуазности», как пишет об этом Доме историк моды Мэри Водуае.

В эти годы их клиентками становятся королевы и принцессы, актрисы и богатейшая буржуазия. Например, роскошные балльные платья от Магги Руфф были у принцессы Грейс Монакской и у принцессы Фавзии Египетской...

Самым трудным моментом жизни Дома «Магги Руфф» были революционные 1960-е годы, век мини и космоса. Дела постепенно шли на спад, и сама хозяйка скончалась 7 августа 1971 года, оставив после себя замечательный шлейф элегантных платьев и духов. Ближе познакомиться с философией этой прекрасной создательницы моды поможет вам сегодня эта книга.

*Александр Васильев,
Москва – Париж – Довиль, 2012*

*Посвящаю эту книгу той,
чей прекрасный облик храню в тайнике моего сердца,
той, которая была для меня источником знаний, примером,
подругой.*

Вместо предисловия

Баллада о моде

Квазимодо! Бей скорей в колокол...
От союза Фантазии с Арлекином
Ранним утром родилась Мода.
Каждый рождается со своей судьбой!

В честь Моды и ее песни
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

Возможно, что, сильно обидевшись,
Она наденет на вас платье причастницы
Или же обрядит в костюм вакханки!
Она может – кто знает! – быть непредсказуемой и
очаровательной.

В честь Моды и ее прихоти
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

Женщины будут без ума от ее гипербол,
А мужчины восторгаться ее кульбитами.
Мудрый вам скажет, что она глупа,
А глупый, что она – некий символ.

В честь Моды и ее жаргона
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

Здесь никто не знает, где начинается
Истина и слабоумие
И где кончается непоследовательность.
Она – вечный эксперимент.

В честь Моды и ее уроков
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

О! Занимательная философия!
Мудрость и трагикомедия!
Для тех, для кого сражаться
До победного конца – вот стратегия.

В честь Моды и ее волшебной палочки
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

От смерти к алфавиту
Пробежало множество блуждающих огней,
И... открывается больше, чем простая дверь
В театр Гиньоль!¹

В честь Моды и ее иллюзий
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

Посвящение

О ты, которая всегда старается
Увидеть тебя другой, не замечая, какая ты есть на самом деле!
Бабочка! Тебе следует знать, что
Мода – это обманчивое зеркало,
В котором каждый видит себя... надеющимся!

¹ «Гран-Гиньоль» – парижский театр ужасов, работал в квартале Пигаль (1897–1963), его имя стало нарицательным обозначением «вульгарно-аморального пиршества для глаз». Но деятельность этого маленького монмартрского театра, слывшего достопримечательностью французской столицы, привлекала равно простых обывателей и представителей художественного авангарда и оказала большое влияние на культуру и искусство XX века. – *Здесь и далее прим. ред.*

Глава I

Вопрос к зеркалу

Ева, гуляя в саду Эдема, склонилась над зеркальной поверхностью ручья, задумчиво разглядывая первый листок, и размышляла: «Интересно, хорошо ли я с ним выгляжу?»

* * *

В Феспии Нарцисс, увидев свое отражение в ручье, ослепленный красотой и опьяненный совершенством явившегося ему видения, умер от законченности и непостижимости этого образа. И каждую весну он рождается вновь, он повсюду, где растут нарциссы и текут ручьи...

* * *

Еще дальше, гораздо дальше Агадира², на опасной и тяжелой, теряющейся в песках дороге, ведущей к югу, к Дакару³, стоит Тарудант⁴. Иссушенный великий город Тарудант. Он окружен зубчатыми стенами, на которые из поднебесья слетают меланхоличные аисты. Дыхание этого города лениво, как текущая в нем вязко-тягучая арабская жизнь, порой и вовсе замирающая на месте.

Там, в знойный день, когда лучи солнца, пронзая решетку ограды базарной площади, рисовали на всем шахматную черно-белую клетку, я увидела нищенку, бродяжку. Она сидела на корточках, прислонившись к белой стене, ее ноги были в дорожной пыли, вокруг нее витали терпкие запахи юга, а в кроваво-красной ладони, от втираний хны, она держала осколок зеркала. Всем своим существом, отрешившись от внешнего мира, замкнувшись в своих мыслях и ощущениях, женщина целиком отдалась созерцанию нескольких сантиметров розового или зеленого платка, что отражались в том осколке, зажатом в ее кулаке...

* * *

От Евы к Нарциссу, от Нарцисса до той бедной женщины, на протяжении всех веков тек этот поток. Во всех странах света, на всех землях, холодных или жарких, мягких или суровых, цветущих или пустынных, все женщины всегда искали свое отражение в зеркалах.

В зеркалах, переливающихся муаровым светом, темных и глубоких; в зеркалах водной глади; в зеркальной поверхности тяжеловесной и звонкой бронзы; в дорогих зеркалах из золота и серебра; в холодных зеркалах из стали; в хрупких и говорящих только правду зеркалах самой Венеры! В зеркалах волшебных, обладающих по ночам колдовской силой, – в такое зеркало рассмеялась Маргарита, когда увидела, насколько она красива! В зеркалах пылающих, они могли бы сжечь целый корабль! В разбитых зеркалах, которые приносят несчастье; в старых, выцветших зеркалах, уставших столько лет говорить правду! В зеркалах сверкающих, все преобразующих; в зеркалах миниатюрных или огромных; в зеркалах угрожающих или успокаивающих, любящих или ненавидящих. Зеркала рассеивали надежды или опасения, дарили радость изумления или горечь разочарования, подтверждали победу или поражение, вы черпаете в них

² Город на юго-западе Марокко.

³ Столица Сенегала.

⁴ Один из старейших городов Марокко, известный еще с XI в.

силы на какие-то действия или на борьбу, вы настойчиво ищите опровержений или иллюзий, хоть ненадолго приносящих облегчение. Именно с помощью зеркала вы делаете убийственные открытия: обнаруживаете первую морщинку, которую вовсе не ожидали увидеть, седой волос в еще полной сил пряди, закрывающей висок, глубокую складку у рта, не оставляющую никаких надежд.

Надежда, боязнь – вот два полюса великой драмы, вот вечный, состоящий из двух половинок, вопрос женщины к зеркалу.

Этот женский инстинкт, что он ищет на протяжении всех времен? Что ищет он во всех мирах? О чем вопрошает он искусство? Чего требует от науки, служащей человечеству? Чего он хочет, когда на ощупь, наугад пробирается вперед? Эта бесконечная, неустанная погоня, кажется, существовала во все времена и не имеет ни начала, ни конца. Какова же ее цель? Тревога, жажда, потребность, откуда они? Эта мощная энергия создает империи и народы, эта сила становится то созидателем, то разрушителем, это неукротимое брожение. Все это – вечное стремление к Красоте.

* * *

За три тысячи лет до Рождества Христова побережье Крита уже славилось женщинами, чью элегантность, раз увидев, невозможно было забыть. Можно сказать, что вся духовность Греции уцелела благодаря драпировкам одежд; история Египта была передана в одной тяжелой золотой диадеме; бессмертный Ренессанс продолжает блистать в одном лоскутке ткани, написанной кистью Веронезе⁵; величие французских королей упрочивалось и прославлялось в бархате, который носили французские королевы. Во всех веках за все это надо благодарить женщин!

Их страсть украшать себя спасла все эпохи от унылой безликости, а мир – от однообразия. Именно они не позволили одной цивилизации быть похожей на другую, одному веку быть неотличимым от предыдущего или последующего, одной стране стать точной копией другой.

Женщины отмечали для истории конкретное время и место какого-либо события.

Повинуясь прихоти женской элегантности, века хранят в себе нестираемые отличительные знаки. Женщины ко всему прикладывали свою руку, они всегда были разными, всегда изменчивыми. От хижин до замков, от будуаров до парламентов, от балльных залов до эшафотов, от городов до деревень – им принадлежал любой уголок земли. Без них все было бы не таким, как есть на самом деле. Они неразрывно связаны с происходящим, женские призраки витают над всем, что мы видим.

Несравненный гений Марселя Пруста на нескольких страницах, исполненных ностальгии, вспомнил о них:

«Мог ли бы я передать волнение, охватившее меня зимним утром, когда я, встретив шедшую пешком госпожу Сван в мантию из норки, в простенькой шапочке с двумя ножеобразными перьями куропатки, ощущал, тем не менее, комнатное тепло, каким от нее веяло только благодаря смятому букетику фиалок у нее на груди, живое, голубое цветение которых на фоне серого неба, в морозном воздухе, среди голых деревьев, обладало тою же чудесною особенностью – воспринимать пору и погоду только как рамку и жить в человеческой атмосфере, в атмосфере этой женщины, – тою же особенностью, что и цветы в вазах и жардиньерах ее гостиной, возле топившегося камина, у дивана, обитого шелком, смотревшие в окно на метель?.. Природа снова воцарялась в лесу, и мысль, что это – Елисейский сад, в котором хозяйка – женщина, испарялась. Серело настоящее небо над искусственной мельницей, ветер гнал мелкую рябь по

⁵ В е р о н е з е, Паоло (наст. имя Паоло Кальери) (1528–1588) – один из виднейших живописцев венецианской школы позднего Возрождения.

Большому озеру, как по любому озеру. Большие птицы быстро пролетали по Булонскому лесу, как по любому лесу, и с громкими криками, одна за другой, садились на кряжистые дубы, друидические кроны и додонское величие коих словно оповещали о безлюдье утратившего свое назначение леса и помогали мне яснее понять бесплодность моих попыток отыскать в окружающей действительности картины, написанные памятью, ибо им всегда будет не хватать очарования, которое они заимствуют у памяти, и они будут недоступны для чувственного восприятия. Того мира, который я знал, больше не существовало. Если бы госпожа Сван появилась здесь хотя бы чуть-чуть не такой, какою она была, и в другое время, то изменилась бы и Аллея. Места, которые мы когда-то знали, принадлежат не нам, а только всеобщему пространству, в котором мы располагаем их, как нам удобнее. Они всего лишь тонкий слой связанных между собой впечатлений, из которых складывалось наше прошедшее; воспоминание о некоем образе есть лишь сожаление о некоем миге. Дома, дороги, аллеи столь же – увы! – недолговечны, как и года»⁶.

«...Если бы госпожа Сван появилась здесь хотя бы чуть-чуть не такой, какою она была, и в другое время, то изменилась бы и Аллея...»

Да, женщины оставляют для нас отметки и во времени, и в пространстве. И время, и пространство они делают похожими на себя, на тех, какими рисует их наше воображение, кого воскрешает наша память. На женщинах лежит ответственность за окружающую атмосферу, за эпохи и пейзажи. Целиком в их власти изменить наши прошедшие дни или дни настоящие – стоит только измениться им самим.

⁶ Перевод Н. М. Любимова по изданию *Марсель Пруст. В поисках утраченного времени: По направлению к Свану.* – Прим. пер.

Магги Руфф, 1929

* * *

Иногда, устав от затянувшегося периода бездействия, я испытываю внезапную и непреодолимую потребность окунуться в незнакомый, чуждый мне мир. Это меня зовут поезда с их своеобразным запахом, дороги с их пылью и грязью, лица, которых я еще не встречала, неведомые пути. Это хорошо знакомая скука и неизведанное желание. И тогда, если я не могу по каким-то причинам уехать, начинаю выдумывать способ обмануть саму себя. Превозмогая рутину, делающую меня слепой и глухой ко всему, я пытаюсь смотреть и слушать девятью чувствами. Я требую, чтобы они подарили мне незнакомый Париж, тот Париж, какой я, искушенная путешественница, могла бы увидеть, оказавшись в нем впервые.

Ночью, в темной комнате, лежа в кровати с закрытыми глазами, я чутко прислушиваюсь к шуму, доносящемуся извне, и делаю так всегда, во всех гостиницах мира. У каждого города свой неповторимый голос. Воздух пронизывают звуки, то легкие, то резкие. Они могут быть пронзительными или чуть слышными. По степени их чистоты или приглушенности можно

судить о том, тепло ли за окном или все окутано туманом, ночь звездная или облачная, на улицах оживленно или вся жизнь уже замерла. Нужно долго слушать эти звуки, чтобы побольше узнать об их таинственной жизни. До тех пор пока вы замечаете эти звуки, в этой стране вы – иностранец. Как только они для вас замолкнут, значит, вы привыкли, акклиматизировались. Существуют еще особые звуки живой комнаты, везде разные. Деревянные полы и мебель нигде не скрипят одинаково, вода в батареях журчит тоже везде по-разному, водопроводный кран, когда его закрываешь или открываешь, сипит по-своему.

Снова услышать все это – значит вернуться в ту незабываемую первую ночь в незнакомом городе и почувствовать сладкое замирание сердца от ощущения беспокойства, рожденного ночным одиночеством.

Днем я брожу по улицам, раздумываю, по какой из них пойти, какие покупки сделать. Я ищу в витринах сувениры, какие я могла бы привезти друзьям, чтобы они пришили им по душе и донесли очарование Парижа. Я делаю удивительные открытия: конфеты, мне незнакомые, цветочные лавки, в которых никогда не бывала, продавцы сумок, я раз двадцать проходила мимо них, даже не заметив.

Чтобы узнать, который час, я смотрю на заброшенные куранты на площади Мадлен, спрашиваю дорогу у полицейского только для того, чтобы с удовольствием услышать его объяснения, всегда сумбурные, вводящие в заблуждение. После них в совершенно незнакомом городе вы пускаетесь в путь наугад и в самый неподходящий момент понимаете, что заблудились.

Но самое главное, да, самое главное, я дышу полной грудью почти пронзительным запахом, поскольку никогда не чувствовала ничего подобного – я стараюсь надышаться воздухом Парижа именно того времени года, когда я оказываюсь в этом городе.

Весенним днем зайти в пять часов пополудни в отель «Ритц» – это значит увидеть воочию и почувствовать всем сердцем само дыхание этого города. Обманчивое тепло веет с залитых солнцем стеклянных витрин, ослепительно сверкающих ювелирными украшениями; от розовых гортензий, распускающихся повсюду; от свежих булочек, проплывающих на подносах разносчиков; от неясного гула сотен женских голосов, звяканья чашек, опускаемых на блюда; от глухих барабанных ударов то и дело закрывающихся дверей; автомобильных гудков, доносящихся с Вандомской площади.

Иногда звучание этого органа замирало, словно обрывалось дыхание, когда входила какая-нибудь эффектная женщина.

Парижское кафе, 1930

И на какую-то секунду застывали обращенные в ее сторону лица, и хотя глаза из всех сил старались сохранить безразличное выражение, все равно загорались любопытством, стаканы и ложки замирали на половине пути, подрагивали спички в пальцах, с кончика сигареты срывался столбик пепла – прошла женщина!

На фоне окна, в контражуре, четко вырисовывается профиль маркизы де П., ее шляпа смело сдвинута таким образом, что ясно видна чистая линия лба. Чуть улыбающиеся глаза с вежливой рассеянностью скользят по залу, но тем не менее подмечают буквально все. Мадам М.-де-Г., сидящая в противоположном углу, прячет свое личико матового оттенка в меховую накидку, и возле ее щек бьются, как два маленьких сердца, серьги из белого жемчуга. Возле нее, в шляпке последнего фасона от Ребу⁷, расположилась мадам де Р., а серо-голубая тушь на ресницах выгодно оттеняет неповторимый цвет ее глаз.

⁷ Р е б у, Каролина (1837–1927) – французская шляпница, в 1865 г. открыла свой первый магазин в Париже, позднее в Лондоне, и на протяжении пятидесяти лет ей не было равных в профессии.

Модница в шляпе и боа, ок. 1905 года

Мадам Р.Ф., которая всегда на виду и вокруг которой всегда оживление, сверкает перьями и металлическим колье, вплетенными в прическу, согласно последнему писку моды этого сезона. Мадам М. входит так стремительно, что создается впечатление, будто она заскочила на минутку и собирается идти дальше по своим делам. Она щедро рассыпает приветствия, кому – кивком головы, кому – рукопожатием, кому – словесно. Плиссированная юбка вальсирует вокруг ее стройных ног, воздух приходит в движение и вибрирует вокруг фигурки, на головке гордо красуется шляпка, историю покупки которой за двадцать два с половиной франка в Галери Лафайет она пересказывает с очаровательным чувством юмора.

Парижская мода, 1916

В огромном кресле устроилась мадам Д., очень маленького роста и прямой спиной, с прической из тысячи мелких седых булелей, она смотрит строго, растянув губы в улыбку.

Мадам А., высокая, тоненькая, хрупкая, носит одежду самого строгого покроя в этом году, что подчеркивает ее худобу. Мадам П. Ж., вместе со своей всепоглощающей молодостью впускает в зал легкий ветерок, который играет ее золотисто-каштановыми локонами, не желающими скрываться под шляпкой. Она не желает носить ничего, что сковывает, ограничивает и плотно облегает фигуру. Она вся – размах, движение, свобода, полет в пространстве.

Парижское кафе, начало XX века. Из коллекции Е. В. Лаврентьевой

Возле камина мадам де М. в необъятном манто, которое непостижимым образом выдерживает ее хрупкая фигурка, пересказывает собравшимся подробности предстоящего светского раута по случаю какого-то праздника. Мадам Ц., чуть наклонив голову вперед, слегка закрыв подбородком ожерелье черного жемчуга, с озабоченным видом провожала глазами только что вошедшую баронессу де Л., пытаясь угадать имя ее портного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.